

Музыка Геббельса

Чеховский фестиваль представил немецкий спектакль, не вписывающийся ни в один из известных театральных жанров

ВИКТОР БАЖЕНОВ

Философские тексты Элиаса Канетти мало вязались с происходящим на сцене.

Ольга Егошина

Современный немецкий композитор и режиссер Хайнер Геббельс показал в рамках Чеховского фестиваля в Москве свою постановку под названием «Эраритжаритжака».

Его странное представление похоже на концерт, притворяющийся спектаклем, или на спектакль, делающий вид, что он – концерт.

Непризнанное название спектакля Хайнера Геббельса «Эраритжаритжака» в переводе с языка австралийских аборигенов (если верить программке) означает «Вдохновляемый желанием того, чего больше нет». Седовласая симпатичная зрительница в финале сокрушенно пожимала плечами: «Это очень интересно, но ведь это не спектакль!» На традиционную постановку проект знаменитого немца действительно решительно не походил. То ли сумасшедший концерт, где в неслучайном порядке дают странную нарезку Баха, Равеля, Шостаковича, прослоенных музыкой самого Геббельса, наших композиторов, живущих в Германии, – Алексея Моссолова, Василия Лобанова. Музыкальная композиция, сочиненная постановщиком, убеждает, что он не случайно называет себя «композитором, который время от времени ставит спектакли». Струнный «Мондриан Квартет», практически не уходящий со сцены все полтора часа, пока длится действие, играет прекрасно. Иногда даже жалко, когда период чистой музыки вдруг разрезается голосом актера, читающего текст.

Литературный монтаж, составленный из разнородных текстов Элиаса Канетти (его романа «Ослепление», мемуаров и заметок в записных книжках), гораздо менее убедителен и целостен. Общие рассуждения о человеческом одиночестве, о неумении жить с людьми и без них трудно сочетаются с «романными кусками»: беседа с мальчиком, разговор с ушедшей возлюбленной. Читающий текст прекрасный французский актер Андре Вильмс равно убедителен на сцене и на экране (примерно две трети действия спектакля проходят именно на экране). Походив по сцене, чуть поразвлечись с игрушечной моделью дома и со странной маленькой машиной-автоматом, похожей не то на пылесос, не то на пробную дизайн-модель домашнего робо-

та, герой Андре Вильмса спускается в зал, выходит в боковую дверь. За всеми его дальнейшими передвижениями мы можем следить на экране. На заднем плане сцены стоит большой дом, на стене которого проецируется изображение движения актера по саду «Аквариум», то как он садится в машину, едет по улицам Москвы, подъезжает к подъезду, поднимается по лестнице, наконец, входит в квартиру. Берет письма, газеты. Готовит себе омлет, съедает его, попутно размышляя, что каждому человеку полезно понаблюдать, как он ест.

Занятый домашними делами, герой проносит те или иные сентенции Канетти, очень косвенно связанные с совершаемыми им действиями. В какой-то момент его путешествий по дому становится ясно, что мы можем наблюдать за его перемещениями, заглядывая в окна. На стене дома, служащей экраном, загораются окошки, мы видим силуэт актера, сидящего у стола и разбирающего бумаги. Последнее судорожное напряжение мелодии. Финал.

Симпатичная дама, безусловно, была права в том смысле, что в проекте Геббельса элементов собственно «спектакля» было ускользающе мало. Не интриги сюжета, ни столкновения характеров, ни развития действия. Постановка могла идти еще час-другой-третий. А могла закончиться через полчаса после начала. Принципы построения резко противоречили самому понятию спектакля как драматического представления. К сожалению, в нашем театральном языке пока отсутствует определение, которым можно было бы называть опыты, подобные постановке Хайнера Геббельса. Хотя можно воспользоваться словарем мусорные науки. Немецкие искусствоведы не так давно ввели четкие дефиниции, отличающие Art и Kunst. Kunst – все, что относится к искусству в традиционном понимании этого слова (Рафаэль и Мадригг, Леонардо и Мондриан). Art – всевозможные виды инсталляций, концептуальные унитазы, увиденные в неожиданном ракурсе мусорные бачки, эксперименты с самыми не сочетаемыми предметами, чье соседство дает какую-то новую точку зрения. Кажется, в области театрального искусства пора воспользоваться дефинициями коллег. В опыте мирового театра стремительно нарастает доля присутствия направления Art. И Чеховский фестиваль знакомит нас с лучшими образцами этого вида. Такими, как «Эраритжаритжака» Хайнера Геббельса.